

ИСТОРИИ ПРИЗРАКОВ ЯПОНИИ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

Москва
2025

*«Внешнее и видимое воплощение внутреннего
страха».*

Амброз Бирс.
Словарь сатаны. 1906

ЛАФКАДИО
Х И Р Н

ИСТОРИИ
ПРИЗРАКОВ
ЯПОНИИ

Иллюстрации
БЕНЖАМЕН
ЛАКОМБ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ИСТОРИИ О ПРИЗРАКАХ ИЗ ЯПОНИИ	19
ИГРЫ ЁКАЕВ	159
ПРИМЕЧАНИЯ	169
БИОГРАФИИ И БИБЛИОГРАФИИ	179
ОГЛАВЛЕНИЕ	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЛАФКАДИО ХИРН

или

«ВЕЛИКИЙ ПРИЗРАЧНЫЙ КРУГОВОРОТ СМЕРТЕЙ И РОЖДЕНИЙ»

В тени бетонных и стеклянных зданий Гинзы, торгового района Токио, начиная с четырёх часов пополудни, уже встречаются мужчины и женщины в роскошных кимоно. Это театральная публика или люди, собравшиеся на приём. Они равнодушно проходят по маленьким торговым улочкам мимо магазинов, украшенных транспарантами. На некоторых дверях висят большие венки из цветов; на ленточках написано, что сотрудники такого-то кафе или такой-то парикмахерской празднуют день покровителя или отмечают очередной юбилей своего заведения.

Между аллеями и дорожками большого сада, среди альпийских горок и кустов, скрывается пагода с выгнутыми крышами и стенами, покрашенными в весёлые цвета. Вход в её сумрак, пронизанный золотистым сиянием от множества

странных идолов, охраняет страшный деревянный великан. На морде у этого доброго духа зверская гримаса, которая вкупе с огромной саблей призвана устрашать демонов, злоумышляющих против прихожан и прочих посетителей.

В другой пагоде под нарисованным на потолке вестибюля драконом на полу очерчен круг, рядом табличка на двух языках предлагает хлопнуть в ладоши именно в этом месте, «чтобы услышать удивительный рёв священного дракона».

Какой уважающий себя японец забудет отломить кончик хвоста на статуэтке молодой кошки или рискнёт завести у себя в саду пруд со стоячей водой? И длинный хвост, и стоячая вода привлекают таящихся во мраке демонов, следовательно, необходимо лишить их привычных земных убежищ.

В стране, где костюмы и обычаи, искусство и традиции, декор и цветы на каждом шагу рожают торжество красок и волшебную атмосферу, фантастическое всегда живёт рядом, будучи свободным от угроз, приводящих в беспорядок разум западного человека. Оно не просто пронизывает жизнь японцев, а становится хотя и неожиданным порой, но природным явлением.

Фантастическое с точки зрения Запада не воспринимается таковым японцами, а потому не содержит зловещих таинственных ритуалов, пугающих человека, обладающего картезианским воображением. В Японии сама смерть сняла с себя пугающие одежды, в которых она является запад-

ному воображению, превратившись в добродушного привратника, охотно открывающего двери загробной жизни в обе стороны.

Нет страха и траурных красок, но это не значит, что японская фантастика довольствуется полутенями, лунным светом и позолоченным картоном при создании мифических существ. Просто драконов в ней поменьше, чем в греко-римском фольклоре.

Около пятидесяти рассказов, собранных Лафкадио Хирном (1850–1904), являются переложением устного фольклора или пересказом старых книг (например, «Собрание ста рассказчиков историй о сверхъестественном»); они отлично передают японский характер.

История человека-акулы, чьи слёзы превращаются в рубины, напоминает сказку «Ослиная шкура»; рассказы о людоедах — «Пожиратель трупов», «Безголовый призрак» — похожи на сказки о душах, заключённых в телах зверей и птиц или в заколдованных предметах. Легенды о вампирах, жаждущих отведать молодой крови, ведьмах, чьи злые чары переживают их смерть; мёртвой женщине с руками, продолжающими жить; странных королевствах; настоящем городе Кер-Исе, поглощённом то ли волнами и пространством, то ли тьмой и временем; истории, где смельчаки рискуют собой ради того, чтобы разорвать ткань времени, — всё это аллегории и мечты, свойственные японскому менталитету.

Во многих историях о привидениях фантастическое, сверхъестественное содержит элемент

двузначности, помогающий адаптировать эти легенды для западного сознания. Добрые и любезные призраки — почти всегда женщины — приходят вечером или ночью, очаровывая таких же приятных молодых людей, которые разочаровываются, видя, как их посетительницы исчезают с рассветом, подобно истаявшему золотому сну, как в «Истории Ито Норисукэ», печальному, как в легенде о призраке из «Пионового фонаря», страшному, как в «Истории о зелёной иве».

Эти темы как раз вполне соотносятся с западным воображением, что и продемонстрировал Вашингтон Ирвинг, написав в 1824 году «Случай с немецким студентом», изданный в сборнике «Рассказы путешественника». Ему предшествовал труд Николя Ленгле дю Френуа, в 1774 году выпустившего «Историко-догматический трактат о явлениях». В нём рассказывается о дурной шутке, которую сыграл дьявол с неким молодым лордом. Дворянин дождливым вечером находит у своего порога молодую девушку, приводит её в дом, а утром просыпается рядом с отвратительным трупом... Демоны шалят как с добрыми христианами, так и с японцами.

Столетия спустя, пренебрегая законами времени, демоны проникли в работы доктора Зигмунда Фрейда. В «Фарфоровой лавке, переполненной ненавистью» призрак демонстрирует настоящую психоаналитическую проекцию, тонкую нематериальную фантазию, которая в иных случаях проявляется благодаря магическим свойствам ткани или бумаги.

В западном воображении метаморфозы происходят неожиданным, а иногда и пародийным образом, переходя из одной твёрдой формы в другую. Яркий классический пример — Золушка с тыквой и мышами, превращёнными в королевскую карету. В Японии трансформации носят более творческий характер: вместо того чтобы изменять формы, они их создают, материализуя чувство или эстетическую концепцию, когда животное, изображённое на рисунке, оживает. Зверь потакает инстинктам, иногда агрессивным и кровавым, прежде чем воссоединяется со своим статичным двухмерным изображением, как в «Мальчишке, рисовавшем кошек».

В отличие от чисто психического феномена, демонстрируемого в истории про фарфоровую лавку, здесь материализация имеет основой всего лишь рисунок. Основа слишком тонкая для пародийной трансформации, к которой стремится западная магия. Наоборот, воображаемое черпает силу воздействия из диспропорции между хрупким исходным материалом и конечным результатом. Изображение увядает, когда отделяется от своего исходного носителя (как в истории «Картина, имеющая душу»), нарисованная женщина обретает плоть («История о том, кто влюбился в портрет»), огонь сжигает ткань, а затем и весь город («Великий пожар от платья с длинными рукавами»).

Эта способность порождать чудеса, дарованная бумаге, холсту, шёлку, лишь отражает принципы цивилизации, где хрупкие вещи играют такую привилегированную роль, которую евро-

пейское искусство подчёркнуто отводит благородным материалам: камню или металлу. Точно так же рельеф страны и её сырьевые ресурсы объясняют обыденность, свойственную японским вампирам.

В стране, где дерево, картон и бумага составляют среду обитания чаще, чем камень, где ландшафт исключает горные хребты и ущелья с крутыми склонами, подражатели графа Дракулы физически не могут жить в причудливых замках, выросших в грозные скалы. Подобно вампиру из японской сказки, жившему на дне реки, им приходится довольствоваться убежищами, которые предоставляет природа. Благодаря простому и надёжному обиталищу вмешательство вампиров в дела людей кажется ещё удивительнее.

Заросшие цветами деревенские кладбища, простота культовых сооружений, утопающих в садах, вместо печальной и величественной торжественности, принятой на Западе; простая, без малейшего признака таинственности архитектура японских зданий, отсутствие драматизации смерти, лишённой мрачной легенды и авторитарной роли, что является обычным атрибутом в христианстве, — всё это обстоятельства, которые объясняют вторжение призраков в привычную нам вселенную и связь, которую они часто поддерживают с людьми. Когда живые осознают свою ошибку, они разочаровываются, иногда пугаются. Порой и мёртвые отказываются соотносить своё поведение со знакомым обликом, проявляя агрессию. Однако тот ужас, который они внушают, лишён парализующего эффекта,